

УДК 94(47).082/083

Н.Ю. ПИВОВАРОВ

**ФОРМИРОВАНИЕ КООПЕРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ В РОССИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.***

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

В статье рассматриваются генезис и развитие кооперативной элиты в России. Показано, что формирование элиты происходило параллельно со становлением и развитием кооперативного движения в Российской империи. Начальный этап формирования пришелся на годы реформ Александра II. Однако неразвитость кооперативного движения определила слабость самой элиты. В 1890-е гг. произошли существенные социально-экономические изменения, что отразилось на росте численности кооперации. Именно с этого времени кооперативная элита получила реальную возможность реализовывать свои идеи на практике. Исключительную роль в идейно-психологическом сплочении элиты сыграли кооперативное совещание 1896 г. в Нижнем Новгороде и Первый всероссийский кооперативный съезд в Москве в 1908 г. В итоге к 1917 г. элите удалось сосредоточить в своих руках ключевые рычаги влияния российской кооперации. Представители кооперативной элиты отличались по социальному происхождению, роду занятий и политическим взглядам. Большинство из них были представителями дворянства, духовенства и мещанства. Как правило, они занимали посты ответственных сотрудников, руководителей отделов и состояли членами правлений крупных кооперативных союзов. Другие совмещали работу в кооперативах со службой в различных государственных и общественных сельскохозяйственных организациях. Многие являлись журналистами и публицистами, причем большое внимание уделяли пропаганде кооперативных идей. Среди кооперативной элиты были преподаватели университетов, представители высших военных и гражданских чинов. Кооперация объединяла людей разных политических взглядов. Но относительно большую группу в ней составляли представители «левых» взглядов. Число социалистов самых разных толков в кооперации росло по мере увеличения оппозиционных настроений в отношении правительства и, шире, правящего режима. Однако у российской кооперативной элиты отсутствовали общая идеология и понимание относительно дальнейших путей развития кооперации. Эти обстоятельства стали главными причинами, почему не произошло перерастание элиты в устойчивую общность.

Ключевые слова: Российская империя, кооперация, кооперативная элита, социальный слой, профессиональная корпорация, социальная мобилизация.

Эпоха Великих реформ Александра II дала импульс модернизационным процессам как в экономической, так и в социальной, а позднее и в политической сферах. Традиционный уклад жизни российского общества усложнялся, оказывая непосредственное воздействие на экономические отношения и социальную мобильность. Формировались новые социальные группы, появлялись нетипичные сферы профессиональной деятельности и, как следствие, профессиональные элиты. Одним из таких общественно-экономических феноменов, повлиявших на социальную сферу и приведших к возникновению нового слоя российской элиты, стало кооперативное движение.

Кооперация, возникшая в результате бурно развивавшегося рынка, превратилась к 1917 г. в самый массовый экономический институт России. Вместе с тем она представляла собой многоуровневый, стратифицированный социальный институт, включавший кооперированное население, исполнительное и органи-

зационное руководство из разных социальных групп. По некоторым данным, в это движение было вовлечено от 80 до 120 млн чел. [1, с. 62–63; 2, с. 58–59; 3, с. 173–174]. Одновременно с развитием кооперации происходил генезис ее элиты, формировавшей идеологию движения и определявшей ключевые направления его деятельности. Именно она была «умом и волей всего кооперативного движения» [4, с. 3].

Цель статьи – показать специфику генезиса и динамику развития кооперативной элиты. Задачи – определить особенности социального состава элиты на различных этапах развития движения; проанализировать то, каким образом и насколько кооперативная элита, ее теории и практики оказывали влияние на возникновение и становление кооперативного сектора и тем самым способствовали ускорению социальной мобильности в других слоях населения России.

Первыми представителями кооперативной элиты были либеральные помещики с достаточно распространенными в образованных слоях российского общества середины XIX в. гуманистическими воззрениями. Ядро кооперативной элиты 1860–1880-х гг. со-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

ставил известный петербургский салон, или кружок, князя А.И. Васильчикова – представителя старинного рода и видного общественного деятеля. Члены салона обсуждали проблемы развития кооперации среди крестьян и особое внимание уделяли кредитным и ссудо-сберегательным товариществам. В его работе наиболее активно участвовали А.В. Яковлев – мировой судья, блестящий публицист, автор капитального сочинения «О народном кредите» (1868 г.), братья В.Ф. и С.Ф. Лунгины – организаторы первого в России ссудосберегательного товарищества в с. Рождественское Костромской губернии, Н.П. Колупанов – журналист «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Вестника Европы», видный деятель земства Костромской губернии, Е.В. де-Роберти – социолог и философ-позитивист, Э.Р. Вреден – экономист, профессор Петербургского университета, В.Н. Хитрово – видный государственный деятель, основатель Императорского Палестинского общества, и др. По мнению большинства «васильчиковцев», российское общество нуждалось в скорейшей социально-экономической трансформации. Выход они видели в широком развитии кооперативного движения или, как их тогда называли, «народных ассоциаций» [5, с. 27–29]. Помимо представителей салона князя А.И. Васильчикова к кооперативной элите того времени относились Н.В. Верещагин, чьи попытки развить в России маслодельную и сыроваренную кооперацию в России получили широкий общественный резонанс, Н.П. Баллин – книгоиздатель, один из пионеров российской потребительской кооперации, автор книги «Памятной книжки русских потребительских обществ» (1870), Н.П. Зибер – социолог, экономист, один из первых теоретиков российской потребительской кооперации и др.

Кооперативная элита в 1860 – 1880 гг. была довольно слабой. Связано это было с тем, что кооперативное движение находилось на начальной стадии формирования. К концу 1880 г. в стране функционировало лишь 902 кредитных ссудо-сберегательных общества, 262 сельскохозяйственных кооператива и 96 потребительских обществ [3, с. 125; 6, с. 81, 103.]. 1890-е гг. стали новым этапом в истории российской кооперации. Благодаря стечению объективных благоприятных для развития кооперации обстоятельств ее элита получила возможность реализовывать свои идеи на практике.

Ключевую роль в переосмыслении роли и места кооперации сыграли катастрофические последствия неурожая и голода 1891–1892 гг. Историк и теоретик российской кооперации А.В. Меркулов писал: «Голод пробил брешь в плотине, которая сковывала общественные силы, и они стали литься сперва слабой струей – чем дальше, тем сильнее, вплоть до катастрофического общественного наводнения 1905 г., после которого, как после разлива Нила, общественная нива дала обильные всходы. Оживление кооперации явилось лишь частью этой общественной мощной струи» [7, с. 43–44]. Российская власть изменила свое отноше-

ние к кооперации. Ее стали рассматривать не просто как одну из форм организационной помощи голодающим, но, прежде всего, как средство модернизации сельского хозяйства и всей торговой системы [5, с. 65]. Именно тогда многие видные теоретики и практики кооперации стали участвовать в правительственных заседаниях, посвященных проблемам развития этого движения.

Исключительную роль для всего кооперативного движения России сыграл торгово-промышленный съезд в Нижнем Новгороде 1896 г., во время которого состоялось первое всероссийское совещание кооператоров. На совещании были согласованы проект устава потребительских обществ, утвержденный правительством в 1897 г., и проект поправок к закону об артелях. Резолюции совещания послужили отправными точками при проведении съездов потребительских обществ в Прибалтике и на Урале (1897 и 1901 гг.) и организации Московского союза потребительских обществ (1898 г.) [8, с. 9]. Наконец, «нижегородское совещание» имело важное идейно-психологическое значение и способствовало сплочению кооперативной элиты.

И все же вплоть до Первой русской революции позиции кооперативной элиты в социально-экономической жизни России оставались еще слабыми. Политические потрясения 1905–1907 гг., вызвавшие небывалый рост общественной активности, послужили стимулом для подъема кооперативного движения. Хотя подавляющее большинство представителей кооперативной элиты к 1905 г. стояли вне политики, они максимально полно использовали революционную обстановку для укрепления своих позиций. Именно в те годы был задуман и в Москве в 1908 г. проведен Первый всероссийский кооперативный съезд. Он продемонстрировал широкой публике организационные и экономические успехи российской кооперации. Вместе с тем этот съезд, проведенный вопреки запретам властей, способствовал сплочению кооперативной элиты и возникновению новой профессиональной корпорации. Ее представители заметно различались по социальному происхождению, роду занятий и политическим взглядам. Большинство российской кооперативной элиты были представителями дворянства, духовенства и мещанства. Немалую роль играли представители титулованной аристократии. Это был упоминавшийся ранее князь А.И. Васильчиков, а также князь В.А. Черкасский и А.Г. Щербатов, барон П.А. Корф. Одни из них работали в различных отраслях экономики, преимущественно в сельском хозяйстве, другие занимались научной и преподавательской деятельностью, третьи находились на государственной или военной службе. Достаточно трудно определить, где было их основное приложение труда, особенно тогда, когда речь заходит о таких фигурах, как А.В. Чаынов, С.Н. Прокопович, С.Л. Маслов, М.И. Туган-Барановский.

Подавляющее большинство представителей кооперативной элиты занимали посты ответственных сотрудников, руководителей отделов и состояли членами правлений крупных кооперативных союзов. Одним

из таких практических работников был В.И. Анофриев – секретарь Московского союза потребительских обществ, про которого А.В. Меркулов писал, что это был «скромный человек, но одним из тех, на чьих плечах выносятся тяжелый, черный труд общественного строительства, такие люди сообщают общественному делу размах, огонь, идейный энтузиазм, такие люди, как Анофриев – из числа “незаметных героев”» [7, с. 72]. Другие совмещали работу в кооперативах со службой в различных сельскохозяйственных организациях, что давало им возможность глубже изучить крестьянское хозяйство. Например, А.Е. Кулыжный долгие годы служил участковым агрономом в Курской, Московской и Полтавской губерниях [9, с. 167]. Благодаря приобретенному опыту он стал крупнейшим специалистом в области кооперативного сбыта, одним из идейных вдохновителей и создателей таких сбытовых кооперативных союзов, как «Союз-картофель», «Коопляцко», «Пенькосоюз» и другие. И.В. Емельянов, разработавший оригинальную кооперативную теорию, до 1917 г. работал в Харькове сначала энтомологом, а затем губернским агрономом [10, с. 182].

Большинство представителей кооперативной элиты были прекрасными журналистами и публицистами. А.И. Чупров – один из крупнейших политэкономистов России на рубеже XIX–XX вв. – в течение почти 30 лет публиковал передовицы в «Русских ведомостях», которые, по словам известного историка и социолога М.М. Ковалевского, создали «кинематографическое изображение нашей хозяйственной жизни» [11, с. VI]. В начале XX в. почти все крупные печатные периодические органы публиковали статьи В.Ф. Тотомианца – главного пропагандиста кооперативных идей в России в начале XX в. Это были издания самых различных направлений: народнические, «легально-марксистские», либеральные, консервативные и даже такие официальные издания, как «Петербургские ведомости». Статьи Тотомианца оперативно перепечатывались в различных провинциальных периодических печатных органах.

Довольно широко в элите был представлен профессорско-преподавательский состав многих университетов страны. Достаточно вспомнить профессора Московского университета А.И. Чупрова, читавшего курсы по политэкономии и статистике, или приват-доцента Петербургского университета М.И. Туган-Барановского. Многие преподавали в Московском народном университете им. А.Л. Шанявского. В состав кооперативной элиты входили представители военной элиты и высших гражданских чинов. Например, генерал-майор Н.П. Гибнер был первым председателем Московского союза потребительских обществ и Совета директоров Московского народного банка, а действительный статский советник, начальник благотворительного отделения хозяйственного департамента Министерства внутренних дел и один из сподвижников великого князя Константин Константиновича Е.Д. Максимов (более известный под псевдонимом

М. Слобожанин) прославился как блестящий публицист и теоретик кооперации.

Кооперация объединяла людей разных политических взглядов. М.И. Туган-Барановский писал: «И консерватор, и либерал, и умеренный, и радикал являются в равной степени потребителями и в равной степени заинтересованы в том, чтобы их предметы потребления были хорошего качества и стоили дешевле» [12, с. 511]. Например, князь А.Г. Щербатов был убежденным монархистом, в прошлом даже членом «Священной дружины» и сторонником сохранения сословного строя. И.В. Емельянов поддерживал столыпинскую аграрную реформу, считал, что община и общинное владение сковывали, уничтожали самостоятельность и вырабатывали в крестьянине психологию опекаемого и просителя, лишеного чувства хозяйственной ответственности [10, с. 181].

Достаточно большую группу в кооперативной элите составляли представители «левых» взглядов. При этом число социалистов самых разных толков в кооперации росло по мере увеличения оппозиционных настроений в отношении правительства и, шире, правящего режима. Первый мощный всплеск «левых» настроений произошел в период русской революции 1905 – 1907 гг. В последующем наблюдался только рост числа кооператоров-социалистов, который достиг своего пика в Первую мировую войну. Не в последнюю очередь это происходило под влиянием обсуждения в 1915–1916 гг. кооперативного законодательства. Предложенный правительством законопроект кооператоры резко критиковали. Они считали, что власть стремится «поставить пределы, сузить, сдавить, сковать кооперативное движение, в котором усматривалась опасность государственным устоям» [13, с. 328]. Поэтому теоретики и практики кооперации выступали за скорейшее утверждение собственного более эффективного, с их точки зрения, проекта. Возникшее противоречие было разрушено лишь после Февральской революции. В марте 1917 г. Временное правительство утвердило общероссийский кооперативный закон.

Поддавляющее большинство российской кооперативной элиты вплоть до 1917 г. не принимало активного участия в политической жизни России. Лишь некоторые из них совмещали кооперативную и политическую деятельность. Так, в социал-демократическую фракцию III Государственной думы входили Б.Р. Фроммет и М.Л. Хейсин – известные публицисты и историки кооперации, неоднократно подвергавшиеся обыскам и арестам. Хейсин был даже выслан из Петербурга в Псков под гласный надзор полиции [14, с. 130]. Свообразную политическую эволюцию претерпели взгляды С.Н. Прокоповича, который первоначально был близок к народничеству, затем к социал-демократам, позже примыкал к либералам и даже входил в состав ЦК кадетской партии, а затем объявил себя внефракционным социалистом. Представители кооперативной элиты достаточно активно участвовали в выборах в IV Государственную думу в 1912 г. Именно тогда впервые некоторые теоретики стали трактовать

«кооперативный аполитизм» как форму «самообороны и самозащиты против попыток политической власти подчинить себе кооперацию» [15, с. 33–34; 16, с. 14].

Представители кооперативной элиты в разных формах пропагандировали свои идеи в массах. В первую очередь они использовали небольшие популярные брошюры, в которых в доступной форме начинающим кооператорам из крестьянской или рабочей среды объясняли азы правильной постановки дела. Начало положило общедоступное массовое издание брошюры Ф.В. Девеля «Сельские и городские общества потребителей и общественные лавки, или как устраиваются покупатели, чтобы не терпеть от обманов и покупать все необходимое для себя по дешевой цене и хорошего качества», вышедшая в 1897 г. В ней в доступной форме давались советы, как открыть общество потребителей, выбрать руководство, закупить товар, распределить прибыль, вести отчетность. Не менее популярной была брошюра В.Ф. Тотомианца «Мощь кооперации», впервые изданная в 1900 г. В ней на примере западноевропейской кооперации автор побуждал потребителей самостоятельно налаживать производство товаров, устранять посредников и таким образом противодействовать капитализму [17, с. 15].

С конца 1890-х гг. появляется специализированная литература по кооперации: например, книга И.Х. Озерова «Что такое общество потребителей, как его основать и вести» (1896 г.) или работа И.Ф. Жеребятьева «Система счетоводства, специально приспособленная для употребления в промышленных и сберегательных (потребительных) обществах» (1898 г.). Как правило, первые такие издания были переводными с немецких, английских и французских пособий. Но довольно скоро появились и широко распространились русские кооперативные учебники. В потребительской кооперации наибольшей популярностью пользовались публикации В.Н. Зельгейма – «Краткие указания по счетоводству потребительных обществ» (1909 г.), «Организация и практика потребительных обществ в России» (1913 г.), а также книга А.В. Меркулова и М.Л. Хейсина «Как организовать и вести потребительское общество. Тексты, законы, уставы, формы счетоводства и прочее» (1910 г.).

С начала XX в. стали издаваться крупные теоретические работы, рассчитанные на интеллектуальную аудиторию. Одной из первых публикаций такого рода стала книга С.Н. Прокоповича «Кооперативное движение в России. Его теория и практика», вышедшая в 1903 г. В ней автор представил довольно взвешенный и убедительный взгляд на природу кооперации. Он утверждал, что такая форма организации экономических отношений не может служить средством борьбы с капитализмом, так как является производной капитализма. Главная задача движения – в «борьбе против эксплуатации трудящихся представителями денежного, товарного и производительного капитала» [18, с. 24]. Другой, не менее популярной, была двухтомная монография публициста А.А. Николаева «Теория и практика кооперативного движения» (1908). В ней

автор уделял особое внимание производственной кооперации, провозглашая ее высшей формой развития [15, с. 13]. Такая точка зрения была довольно широко распространена среди элиты. Наиболее активно ее поддерживали А.Г. Штанге – либеральный народник, организатор Павловской артели металлургов, а при советской власти первый председатель Всероссийского союза промысловой кооперации, Н.В. Левитский – писатель и журналист, организатор первой земледельческой артели в России и др. На III Всероссийском кустарном съезде под их влиянием была принята резолюция, согласной которой идеальной формой кооперативного единения в экономическом и организационном отношении объявлялась производственная артель [19, с. 54].

Под руководством кооперативной элиты стали выходить первые печатные периодические кооперативные издания, в том числе общероссийского значения – «Кооперативная жизнь», «Союз потребителей», «Кооперативный мир», «Вестник мелкого кредита». Особое место занял выходивший с 1909 по 1918 г. журнал под редакцией М.И. Туган-Барановского «Вестник кооперации» – одно из лучших кооперативных изданий теоретического и научно-прикладного характера не только в России, но и за рубежом. Всего к 1917 г. в России издавалось около 40 различных наименований кооперативной периодики [20, с. 216]. Широкое распространение периодики и научно-популярной литературы о кооперации способствовало тому, что ее идеи находили все больший отклик в различных слоях общества.

Особое внимание представители кооперативной элиты уделяли вопросу образования и формирования профессиональных кадров. В 1908 г. был открыт Московский народный университет им. А.Л. Шанявского, где готовили высококлассных специалистов в области кооперации. Здесь преподавали П.А. Садырин (один из основателей университета), М.И. Туган-Барановский, Н.П. Макаров, В.Ф. Тотомианц, А.А. Евдокимов – автор многочисленных социально-экономических исследований, В.А. Кильчевский – земский статистик, эсер, В.И. Анисимов – член Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, энес, С.Н. Прокопович, В.В. Хижняков – секретарь Вольного экономического общества, А.В. Чайнов и др. Теоретические и практические знания подкреплялись экскурсиями в образцовые кооперативные заведения не только в России, но и за рубежом.

Идеологию русских кооператоров трудно квалифицировать в каких-то точных категориях. Для одних кооперативы по духу были близки христианским началам, другие следовали идеям социалистов-утопистов XIX в., наконец, третьи видели в кооперации средство для революционной борьбы. Например, Е.Д. Максимов считал, что кооперативная организация общества близка к идеям «коммунистического анархизма» и «федерального социализма» [21, с. 66], а К.А. Пажитнов – обществовед и публицист, полностью отождествлял идеал кооперации с идеалом коммуниз-

ма [22, с. 50–52]. Наибольшее развитие среди элиты получили идеи «кооперативного социализма» – теории, в основе которой лежала возможность развития социализма мирным, эволюционным путем. «Кооперативный социализм» стал своеобразным сплавом мечты и реальности, в котором отразилась глубокая вера в творческий потенциал этого социально-экономического движения и его соответствие подлинно нравственным устремлениям людей.

Однако все эти идеи опережали жизнь, реальное развитие и возможности кооперативов. Не случайно сам М.И. Туган-Барановский признавался, что «социальный идеал кооперации полностью никогда не будет достигнут» [12, с. 449]. Российская кооперативная элита оказалась более «идейной» и романтической, чем западная. Ей был свойствен дух товарищества, солидарности, взаимовыручки. Еще А.В. Чайнов, сравнивая бельгийскую и российскую кооперацию, справедливо отмечал: «Давая общую характеристику кооперативным начинаниям, соприкасающимся со скотоводством, мы должны подчеркнуть, что, по нашему впечатлению, они, как и вся сельскохозяйственная кооперация Бельгии, представляют собой чисто практические предприятия мелких хозяев, с основания до вершины проникнуты коммерческим духом, и бесконечно далеки от тех идей взаимопомощи трудового народа, которые склоны навязывать российские приверженцы трудовой теории» [23, с. 44].

Формирование кооперативной элиты началось под влиянием Великих реформ, ее становление произошло на рубеже веков, но окончательно процесс так и не был завершён. В нее вошли представители различных социальных слоев, профессий, уровня образования, что было отражением ведущих тенденций общероссийского процесса социальной мобильности в конце XIX – начале XX в. Представители элиты, объединенные общностью интересов и идеей эффективности кооперации для российской действительности, успели возглавить профессиональную корпорацию и сосредоточить в своих руках важнейшие рычаги управления. Это позволило им в первое десятилетие XX в. решить первоочередные организационные проблемы, создать разветвленную структуру и наладить хозяйственные связи. Но в дальнейшем, столкнувшись с необходимостью совершенствования и развития кооперации, входившие в состав элиты деятели разошлись в концептуальном понимании ее перспектив. Отсутствие общей идеологии стало главным препятствием на пути консолидации элиты в устойчивую общность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фарутин А.И. Характер и особенности кооперативного движения в дореволюционной России // Уч. зап. Калинингр. ун-та. Калининград, 1970. Вып. 4. С.42–104.
2. Кабанов В.В. Октябрьская революция и кооперация. М., 1973.
3. Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново, 2002.
4. Макаров Н.П. Основные вопросы кооперативной идеологии. О многогранности кооперации как общественного явления // Вестник Московского областного кооперативного союза. 1919. № 7–8. С. 1–17.
5. Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009.
6. Николаев А.А. Теория и практика кооперативного движения. М., 1908.
7. Меркулов А.В. Исторический очерк потребительской кооперации в России. М., 1919.
8. Кооперация. Страницы истории. М.: Наука, 2011. Т. 1. Кн. 3. Ч. 2.
9. Кабанов В.В. Андрей Евменьевич Кулыжный // Кооперация. Страницы истории. М., 1997. Вып. 6. С. 165–172.
10. Телицын В.Л. Иван Васильевич Емельянов и его исследование кооперации // Кооперация. Страницы истории. М., 1997. Вып. 6. С. 153–198.
11. Ковалевский М.М. Предисловие // А.И. Чупров. Речи и статьи. М., 1909. Т. 1. С. I–XXVIII.
12. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1916.
13. Болотова Е.Ю. «В единении – сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX века. Волгоград, 2003.
14. Коновалов И.Н. Кооператоры в Государственной Думе России (1912–1917) // Кооперация. Страницы истории. М., 2003. Вып. 10. С. 112–148.
15. Пажитнов К.А. Популярны очерки по теории кооперации. Пг., 1918.
16. Кильчевский В.А. Кооперация и партии. Пг., 1919.
17. Тотомианц В.Ф. Мошь кооперации. СПб., 1900.
18. Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. М., 1918.
19. Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. М., 1996.
20. Меркулов А.В. Вопросы кооперативного движения в России. Пг., 1918.
21. Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Пг., 1919.
22. Пажитнов К.А. Кооперация и ее отношение к профессиональному движению, политическим партиям и социализму. Пг., 1917.
23. Чайнов А.В. Общественные мероприятия по скотоводству в Бельгии. Доклад соединенному заседанию Комитета скотоводства и Комитета ссудо-сберегательных и промышленных товариществ. Б.м., 1909.

Статья поступила
в редакцию 9.10.2014